

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПИСЕЦ

Имре Х. Тот

/Сегед/

Предметом нашего сообщения является изучение деятельности древнерусского писца. Писец в средневековье был одним из важнейших факторов грамотности и культуры.

Роль средневекового скриптора в распространении письменности и культуры была исключительно важной и обуславливалась она целым рядом условий, из которых мы коротко остановимся только на следующих:

1. Христианство по своей сущности представляет собой такую религию, которая не может существовать и проводить свою практическую деятельность без письменности. Христианская проповедь и литургия предполагают существование письма и определенного рода литургических книг. Принятие христианства Русью повлекло за собой массовое появление и распространение письменности на Руси. Абсолютно правдopodobно заявление неизвестного ученого XIX в. о связи христианства с грамотностью в Киевской Руси: "Христианство и грамотность явились у нас в одно время, нераздельно. Отсюда взгляд нашего древнего общества на христианство и грамотность как на одно нераздельное целое; отсюда тождественность у древних русских понятий христианства и грамотности"¹.

Тесная связь между христианством и грамотностью в средневековье была подтверждена научными исследованиями последних лет.

Исследованиями истории книг было установлено, что для нормальной деятельности простой приходской или домово́й церкви потребовалось наличие 8 литургических книг. Кафедральные соборы и монастырские храмы нуждались в большем числе литургических книг. Соборы и храмы могли

выполнять свою функцию нормально с помощью 26 литургических книг². Число церквей, соборов, монастырей постепенно росло и с параллельно с этой тенденцией увеличивалось и число необходимых для службы литургических книг. Необходимо учитывать и то, что имелись книги и у зажиточных мирян, причем среди этих книг встречались и книги с нецерковным назначением, т. е. "четыре книги". Б.В. Сапунов сделал попытку приблизительно определить число церквей, храмов, соборов и монастырей и на основании этих данных реконструировал приблизительное число древнерусских книг с учетом и светской литературы. У него получилось два варианта реконструкции книжного богатства Руси с X века до середины XIII в. По минимальному варианту число книг можно считать равным 315000. При оптимальном варианте Б. В. Сапунов определил книжное богатство Древней Руси в 130-140 тыс. томов³. Несомненно, что появление и распространение такого большего количества рукописных книг привело к "информационному взрыву" на Руси. Для осуществления этого "взрыва" нужны были соответствующие "кадры", которые посредничали в снабжении Руси книгой, т. е. нужны были писцы, которые усердно списывали книги. Было установлено и то, что к середине XI в. Русь вышла на уровень европейских стандартов в области культуры, т. е. в распространении грамотности.

Все это предполагает, что с X до середины XIII в. списыванием, перепиской рукописных книг занималось заметное количество писцов. Таким образом древнерусский писец является ключевой фигурой древнерусской грамотности и культуры.

Труд списывания книг был напряжен, продолжителен и тяжок⁵. Однако одновременно списывание книг считалось и почетным, дорогим трудом. Древнерусские люди смотрели на списывание книг как на богоугодное дело, которое спа-

считает не только самих писцов, но и тех, кто читает или даже слушает книги⁶.

Несомненно, что первые литургические книги были приведены в Киевскую Русь из Византии и Болгарии. Однако вскоре появились и древнерусские писцы, которые, продолжая дело своих мастеров, способствовали сравнительно быстрому распространению грамотности на Руси.

Имея в виду быстрое включение Древней Руси в европейский стандарт образованности и просвещения, мы вправе предположим, что списыванием книг уже в первой половине XI в. занималось немалое количество древнерусских книжников и до нашествия татар их число несомненно росло.

2. В средневековом обществе скриптор занимает своеобразное место в распространении просвещения и образованности. Скриптор в то время выполняет довольно сложную функцию. Он был не только посредником между автором сочинений и их читателем. Он был одновременно и корректором и даже редактором⁷. Несомненно, что книги списывались по желанию заказчика, строителя книги. Однако как переписывалось выбранное заказчиком произведение полностью зависело от скриптора, от его способностей, склонностей, опытности, начитанности и совести.

Известно, что существовали очень строгие правила списывания книг, которых писцы должны были придерживаться, и все-таки не встречается двух вполне одинаковых, тождественных текстов в средневековых рукописях. Даже в тех рукописях, которые были списаны с одного и того же протографа, оригинала намечаются заметные расхождения. Эти расхождения невозможно в каждом случае объяснить ошибками писца, которые проникали в рукописи только из-за невнимательного отношения скриптора к своему труду. Писец не только портит свой протограф, списывая его; он очень часто и исправляет текст своего протографа. Расхождения между разными списками одного и того же оригинала /протографа/ возникают и в результате со-

знательной деятельности скриптора. Скриптор смотрит на переписываемый им текст как на свою собственность и поэтому может внести в него определенные коррективы по своему желанию. Таким образом скриптор одновременно выполняет и функцию редактора определенного произведения. Этот факт показывает, что писец как бы стоит между автором определенного текста и читателем этого текста. Вследствие этого читатель часто может связать текст, произведение не с его отсутствующим автором, а с личностью писца, который делает текст доступным для читателя. Этим объясняется и то, что читатель очень часто чувствует писца ближе к себе, чем автора⁸. Вследствие деятельного вмешательства писца в текст деятельность скриптора и деятельность автора строго не разграничиваются между собой. Таким образом писец в определенной степени может выполнять и работу автора, становясь как бы соавтором списываемого им текста. Этим объясняется и та практика средневековых скрипторов, когда в своих записях, сделанных в рукописи, они чаще называют себя, чем авторов, списанных ими текстов⁹. Все это показывает, что на определенном этапе истории средневековой письменности личность скриптора как бы заслоняет личность автора, списываемого текста¹⁰. Это обстоятельство дает нам право видеть в лице автора не только пассивного исполнителя определенной задачи, а активную динамическую, творческую личность.

Такое динамическое восприятие писца несомненно приводит к более реальной оценке деятельности писцов.

Несмотря на важность многогранной работы средневековых писцов, мы должны признать, что знаем очень немного как о труде средневековых скрипторов, так и о деятельности древнерусских писцов. Наши сведения о деятельности, о психике древнерусских скрипторов далеко неполны, и чаще всего фрагментарны.

Эта фрагментарность впрочем вполне понятна и объяс-

няется оно характером работы исследователей над рукописями. Исследователь черпает свои информации о писце/писцах интересующей его рукописи прежде всего из самой рукописи. Характер почерка, качество выполнения списывания, ошибки, недочеты писца/писцов служат основным источником информации о скрипторе/скрипторах. Запись писца/писцов и его/их приписки могут дополнять картину о писце/писцах. Однако эта информация, полученная во время работы над рукописью, относится только к одной рукописи, к одному или — реже — двум, трем скрипторам.

Для изучения деятельности древнерусских писцов XI—XV вв. мы обратились к рукописям собрания ГИМ. Мы воспользовались в нашей работе "Списанием пергаменных рукописей" Государственного Исторического музея, составленным М. В. Щепкиной, Т. Н. Протасьевой, Л. М. Костюхиной и В. С. Голышенко¹¹. Конечно в случае необходимости мы обращались за информацией и к другим рукописям XI—XIV в., и использовали их данные, как дополнительные сведения.

Конечно, нам известны результаты работы как виднейших палеографов-классиков, так и наших современников. Особенно полезными, основополагающими для нас служат высказывания А. И. Соболевского, Н. Каринского и Е. Ф. Карского.

В нашей работе мы исходим из динамического подхода к оценке деятельности древнерусского скриптора. Труд древнерусского писца мы оцениваем как проявление деятельного, динамического отношения писца к своей работе.

Этот деятельный, динамический подход древнерусского писца наличествует с первого момента его работы над рукописью, но получает свое конкретное выражение в оформлении основной записи писца, в которой он высказывает основную информацию относительно своей работы. Изучая основные записи Упыря Лихового /1047/ и Григория, главного писца Остромирова евангелия /1057/, мы можем убедиться в том, что существовали своего рода "штампы",

образцы оформления основной записи писца. Эти образцы находились в широком употреблении. Однако в конкретном случае определенный писец свою основную запись оформлял соответственно своей книжности, своим личным способностям, интересам, знаниям. Так например, он мог не брать полностью полный штамп, образец записи, а выбирал из него только те части, которые считал для себя актуальными. Таким образом, он составлял неполную основную запись, а укороченную, пропуская те сведения, которые он считал неактуальными. Писец мог действовать и прямо противоположно: вместо краткой записи писать более позднюю, пропуская некоторые моменты, которые не приходили ему на ум. Конечно писец мог относиться к своей работе и иначе: он мог списать полную основную запись оригинала, не изменяя ее, как это сделал скриптор Службника митрополита Киприана, списав запись протографа Службника¹².

В дальнейшем мы остановимся на отдельных моментах изучения деятельности древнерусских писцов.

1. Подготовка древнерусских писцов

В специальной литературе подготовка древнерусских писцов характеризуется условно. А. И. Соболевский пишет, что сведения о специальной подготовке древнерусских писцов "очень скудны"¹³.

По аналогии с Житием Феодосия Печерского он предполагает, что писцы учились в частных или церковных училищах. Е. Ф. Карский, касаясь этого вопроса, заявляет, что нет прямых свидетельств о том, как вырабатывался древнерусский писец. Все же он предполагает, что писцы получали свою основную подготовку в монастыре или в школах /позднее/¹⁴.

Если предположить, что имелись как церковные /приходские, монастырские/ так и светские училища, то, характеризуя обучение в них, мы можем выделить на первом

месте "суровое обращение учителей к ученикам" /А. И. Соболевский/, что было столь характерным для средневековой школы. О суровости и тяжести "своих школьных" лет упоминает в одной из своих приписок известный профессиональный скриптор XIV в. Козьма Попович. Делая пробу пера, он восклицает: "о горѣ вѣтн оученикомъ оу дѣякона"¹⁵.

По приписке Козьмы Поповича, в XIV в. грамоте можно было научиться и у дьякона, что не оказалось столь заманчивым для Козьмы. Особо следует здесь отметить, что дьяконы, несмотря на их принадлежность к духовенству, не считались священниками. Об их общественном положении и их месте в рамках духовенства свидетельствует моление митрополита Киприана 1390 г., согласно которому дьяк "слоуга во естъ, попоу неравенъ"¹⁶. Скромное материальное положение дьяконов заставляет их зарабатывать обучением детей грамоте.

В том случае, если скриптор был "попным сыном", сыном попа, он мог усвоить тайны грамотности у своего отца; у сельского или городского священника. В этом отношении очень поучительной является запись Псковского паремейника 1271 г. Рукопись была переписана двумя писцами: отцом и сыном. На листе 736 находится запись попа Захария, в которой он сообщает, что эта часть рукописи была переписана им. Запись продолжается так: "а утѣте нѣсправляюще не хльнуше ѣа дѣла, ункѣ дѣтина помалъ"¹⁷. Во второй части своей записи поп Захарий просит читателя простить его сына за те ошибки, которые молодой писец допустил при переписке второй части рукописи, списанной сыном. Запись второго скриптора, сына попа Захария, Олуфа находится на листе 91а. Рассматриваемая запись попа Захария свидетельствует о теплом, бережном отношении учителя /отца/ к своему ученику /сыну/. С полным правом можно предположить, что писцы, вышедшие из рядов духовенства обучались грамоте у своих от-

цов. Учитель обычно следил за работой своего ученика во время его первых попыток списывания книг и поддерживал его в работе своими советами.

С вопросом подготовки древнерусского писца связан вопрос об объеме его образованности. Образованность древнерусского книжника несомненно была прежде всего церковной с определенными элементами светских знаний.

В принципе можно прийти к заключению, что образованность древнерусских скрипторов была далеко не однообразной. Те писцы, которые учились писать у простых дьяконов, усваивали умение читать, писать и петь и владели более или менее полным знанием Псалтыри и Часослова. Широкое взаимоотношение средневековых людей с Псалтырью объясняется тем обстоятельством, что обучение чтению в школах велось как правило по псалмам. Умение читать и писать и петь, знание Псалтыри и Часослова — все это составляло тот минимум знаний, которым располагал простейший древнерусский писец. Имеющая данные относительно того, что на Руси "издревле" учителя учили детей в начале Азбуке, потом Часослову и Псалтыри, а потом Апостолу¹⁸.

Для учеников приходских священников или самих этих священников был характерен — в принципе — более широкий круг знаний. Они могли располагать определенными сведениями из Евангелия, из Апостола, из Триодей или Минеи. Эти книги составляли тот минимум богослужебных книг, который был необходимым для совершения службы в церквях¹⁹. По всей вероятности приходские священники организовывали при церквях частные школы с целью обучения детей чтению, письму и пению. Организация таких школ входила и в их обязанности²⁰. Несомненно существовали школы и при епископских кафедрах, где имела постоянная нужда в грамотных людях. Этот обычай несомненно был воспринят от греков, которые при метрополиях — как правило — организовали школы. Студийский и Иерусалимский

уставы определяли тот запас необходимых книг, которым располагал каждый монастырь. В монастырях по предписанию Студийского устава существовали библиотеки. Обязанности библиотекаря определялись Студийским уставом. В обязанность к н и г о х р а н и л ь н и к а входило "сз всацъмъ прилежаннѣмъ книгъ влѣости"²¹. Этот же устав предписывает монахам регулярно пользоваться библиотекой, т. е. читать "душеполезные книги". Эти книги читались коллективно на соборах, во время трапезы и индивидуально в кельях²². На этом основании можно предположить, что в монастырях в принципе имелись иноки, которые умели читать. Другой вопрос, насколько монахи были грамотными; т. е. умели не только читать, но и писать /книги/. В средневековье чтение книг и умение писать не были тесно связаны между собой: были люди, которые умели читать, но не умели писать. Условия монастырской жизни создавали хорошие условия для распространения грамотности и книжности. Несомненно, что монастыри с самого начала их существования были очагами книжности и грамотности. Первые общежитийные монастыри появились при Ярославе Мудром, создавшем в Киеве после 1037 г. мужской и женский монастыри²³. Значительным книжным центром в Киеве стал Печерский монастырь, в котором, по Житию Феодосия Печерского, издавна занимались списыванием книг. Книги здесь списывались, по всей вероятности, не в скриптории, а в кельях²⁴. В Киеве же находились в середине XII в. княжеская библиотека с большим скрипторием, созданные, по летописи, Ярославом Мудрым, где по предположению ученых ок. 20 писцов занимались переводом и списыванием книг.

Лучшей традицией Печерского монастыря была любовь к книгам, к "книжному почитанию", книжному делу. Уже сам Феодосий Печерский наставлял монахов к чтению книг. При Феодосии Печерском уже выделился чернец Иларион, умело списывавший книги. Традиции этого монастыря указывают

на то, что грамотные монахи охотно учили грамоте безграмотных иноков.

Через иноков влияние Печерского монастыря распространилось и на другие, созданные позднее, монастыри, которые во всем старались подражать знаменитой печерской обители.

Условия монастырской жизни создавали хорошую плодотворную почву для книжности: там сосредоточилась масса книг, которые можно было переписывать. Там были грамотные, даже образованные люди, способные списывать книги. По данным источников, среди монахов - во все времена - находились книголюбы, высокообразованные начитанные иноки. Образованные монахи обладали широкими и разнообразными знаниями. Здесь и надо искать лучших писцов рукописей XI-XII вв. В дореволюционной специальной литературе было распространено мнение о большой, почти исключительной роли монастырей в просвещении домонгольской Руси. В наши дни, когда мы располагаем значительным числом памятников бытового письма /берестяные грамоты, надписи/, значительная роль в распространении грамотности отводится исследователями и светским факторам /государство, законодательство, хозяйство, торговля/. Как в большинстве спорных вопросов и в данном случае истина находится где-то посередине.

Для правильного решения вопроса о роли церковных или светских факторов в истории древнерусской культуры следует исходить из исторических фактов. В этом отношении вполне приемлемым кажется нам предположение Е. Голубинского о двух фазах истории древнерусской книжности. По его мнению, историю древнерусской книжности можно разделить на две фазы. Первая фаза относится к деятельности Владимира Святого, крестителя Руси, при котором там появилось письмо. Вторая фаза книжности на Руси связана с деятельностью Ярослава Мудрого, который сделал Русь книжной и грамотной. Ярослав был "посади-

телем" книжности, просветителем Руси²⁵. Созданные Ярославом Мудрым при Соборе Св. Софии в Киеве библиотека и скрипторий породили новое сословие ремесленников — официальных писцов. Возникновение "сословия" писцов-профессионалов, которые будут играть большую роль в распространении книжности на Руси восходит к первой четверти XII в.

Наконец на основании данных некоторых рукописей можно предположить, что в Киевской Руси существовали и миряне, умевшие читать и писать, которые тоже списывали книги. Наличие таких писцов-мирян предполагается учеными в начале XI в. Таким светским писцом мог быть Путята, списавший одну из древнейших рукописей "Путятину Минею". Эти светские списыватели книг составляли, по Б. А. Рыбакову, особый слой городского населения. Они были независимыми и свободными от церкви. Число писцов-мирян постоянно растет. К концу XI в. в Новгороде появились книгописные мастерские, в которых даже произошло разделение труда писцов²⁶. Наличие коллективов, которые занимались списыванием книг, предполагалось и Н. Н. Розовым, согласно которому к концу XI в. — началу XII в. в Новгороде существовали "артели", специальные группы книгописцев, списывающих такие объемистые рукописи, как комплект Минеи XI-XII вв.²⁷

Чем отличалась образованность светских книгописцев от образованности служителей церкви, трудно сказать. Возможно, светские писцы имели большую склонность к событиям светской жизни. Они большее внимание обращали на исторические события своего времени или своего города. Однако значительных расхождений между образованностью светских и церковных писцов не было потому, что в "образованной части общества XI-XIV вв. преобладали надо всем и задавали тон религиозные интересы"²⁸.

Наконец, следует отметить, что ход развития письменности на Руси целиком отражает развитие средневековой письменности, которое проявляется в лаицизации письма и писцов.

Этот процесс свойственен и развитию древнерусской грамотности.

2. Личность древнерусского писца

Одной из характерных черт древнерусского писца является смирение, скромность. Смирение является важнейшим моральным показателем средневекового христианина.

Смирение писцов можно назвать двойным смирением.

Смирение писца связано с общим стремлением христианского вероучения. Смирение как основное требование к христианину было объявлено Иисусом Христом. Настоящий христианин должен был облечься смирением. Выражением смирения является то, что христианин, унижая себя, почитает другого человека выше себя. Однако человек средневековья боролся и со своей "грешной гордостью", что иногда выражается в записях, приписках писцов.

Однако имеется и смирение другого характера, которое очень часто можно наблюдать у средневековых авторов. Средневековой автор имел перед собой своеобразный идеал, который воплощался в риторическом витиеватом изложении своей темы. Однако обычный автор, чувствуя недостаточность своей подготовки, свое расстояние от идеала, в своей записи выражает это недовольство собой, своими способностями и возможностями²⁹.

По всей вероятности, писец также имел свой идеал. Идеалом ему служил ка ли граф, работе которого он старался подражать. Простой скриптор также чувствовал свое расстояние от идеала. Это возбуждало в нем чувство слабости, чувство смирения, что находило свое отражение в записях, приписках писцов. Таким образом для средневековых книжников характерным является двойное смирение, в котором христианское смирение сочеталось со смирением и самокритикой творческого человека.

Смирение писцов нашло свое языковое отражение в употреблении своеобразных "эпитетов", определенных.

Этим объясняется то, что переписчики рукописей при своих именах употребляют такие определения, которые выражают их грешное, недостойное, жалкое состояние. Например: грѣшнѣи рабъ Алекса [Син. 1203], грѣшнѣи Тимофеи [Хлуд. 187], грѣшнѣи Тимофеи [Пономарь] [Син. 786], многогрѣшнѣи Поликарпъ [Син. 740], многогрѣшнѣи и грѣшнѣи [Син. 896], многогрѣшнѣи рабъ вожи чернецъ Иоанъ Телець [Син. 67], многогрѣшнѣи Леонидъ и Григории [Син. 70], грѣшнѣи Фоданъ [Син. 68], многогрѣшнѣи Стефанъ Засковичъ [Син. 838], многогрѣшнѣи рабъ вожи Коузенка дѣланъ [Хлуд. 37], грѣшнѣи инокъ Лоука [Муз. 4040], грѣшнѣи и лѣнивнѣи и неродивнѣи Иоаннъ черноризецъ [Син. 333], многогрѣшнѣи, грѣшнѣи Фома Писецъ [Син. 240], грѣшнѣи Федоръ презвитеръ [Син. 600], смиреннѣи митрополитъ Киприанъ [Син. 601], грѣшнѣи Онфимъ [Син. 275], послѣднии въ иноцѣхъ непотрѣбнѣи Андреи смиреннѣи [Усп. 7 перг.], многогрѣшнѣи Окинефъ [Усп. 3. перг.], многогрѣшнѣи Лоука дѣланъ [Син. 71], многогрѣшнѣи Давидъ дѣланъ [Син. 897], многогрѣшнѣи рабъ вожи Михаило [Син. 173], рабъ вожи многогрѣшнѣи Данило [Син. 839], многогрѣшнѣи въ иноцѣхъ Мевъ чернецъ [Син. 199], грѣшнѣи недостоиннѣи Перфирии священнѣи инокъ [Увар. 181], грѣшнѣи Андреи дѣланъ [Син. 331], многогрѣшнѣи неразоумнѣи Гаврило попъ [Син. 872], Козьма дѣланъ Поповичъ гравѣщима роукама, киветливнѣи гаткомъ, овидливнѣи очима [Син. 172], маломощнѣи и грѣшнѣи рабъ вожи дѣланъ Яковъ [Син. 248] .

Эти примеры свидетельствуют о том, что некоторые писцы не только охотно пользуются эпитетами, которые выражают им смирение но и находят радость и в градации отрицательных определений.

Однако имеются и исключения.

Рассматривая записи писцов, мы наблюдали и такие случаи, когда писцы, казывая себя по имени, не обращаются к эпитетам, выражающим их греховность.

Так например, Иоанн, писец Изборника 1073 г., или Константин, списавший Огласительные слова Кирилла Иерусалимского. Отсутствует эпитет при имени писцов в нескольких рукописях. Мы не обнаружили такую "характеристику" писцов в следующих кодексах: Син. 69, Воспр. 17, Син. 837, Син. 15, Син. 232, Син. 69, Син. 837, Щук. 9.

Писцы рассмотренных рукописей не считали необходимым письменное выражение своей скромности, своего смирения. Возможно, что в этих случаях в душе писцов побеждала человеческая гордость, которая постоянно боролась со смирением средневекового человека.³⁰

Следует оговорить еще одно отклонение от обычая. Имеются и такие случаи, когда в своей записи писец не называет себя.

Писец Службника 1380 г. /Воскр. 7/, сделавший киноварью довольно распространенную запись, в которой просит читателя молиться о его "сгрешениях ради помощи", не называет своего имени. Подобным же образом остается анонимным писец киноварной записи в Канонике XV в. /Муз. 371/. Чуткий, отзывчивый к событиям природы и событиям своего времени, писец сочинил, сообщая об астрономических событиях, недлинную, но очень теплую и молитву к Богу, в которой просит Его "пощадить их". Все же писец не выдал своего имени. Имея в виду, что в обоих случаях мы имеем дело с ярко выраженными религиозными чувствами переписчиков, мы уверены в том, что именно христианское смирение заставило этих двух писцов "остаться безымянными".

3. Труд древнерусского писца

Труд древнерусского писца не был легким. Списывание книг оказывалось тяжелой, трудоемкой и ответственной работой. Несомненно, что подготовка писца влияло на работу переписчика: хорошо подготовленный, опытный писец легче справился со своей задачей, чем тот, кто только знал грамоту.

Средневековой человек воспринимал свое умение читать и писать как божий дар. Он получил свои знания от Бога, однако не для того, чтобы скрыть их от своей среды, а для того, чтобы сообщить их своим братьям и сестрам. Средневековью был чужд всякий продукт деятельности, который был создан только "для себя", а не ради душевной пользы людей. Создавать, творить что-нибудь, считалось морально оправданным только в том случае, если созданное большими усилиями творческого человека служило делу спасения души людей. Для средневекового человека творческий акт одновременно был и моральным³¹. Творческий акт воспринимался и как моральный, поэтому обыкновенный человек испытывает чувство уважения к творческому человеку.

Работа писца была направлена на то, чтобы посредством его усилий спасти душу других: прежде всего душу заказчика и будущих читателей списанной им книги.

Однако скриптор осознал и то, что он тоже является пропавшим, грешником, и стремился спасти и свою душу. Списывание книги как средство к спасению, как цена за спасение души человека ярко выражается запиской Добриянова в списанной им минеи конца XIII в.: "Еда како вашими мт^л вами подасть ꙗ оцъщеніе грѣхомъ, давшего цѣнѣ книгъ си^л".³² Таким образом, заказ, списывание и чтение литургических книг были "душеспасительными" занятиями средневекового человека.

Цель, которой руководствовались скрипторы, ясно выражена в их записях.

Неизвестный писец Новгородской "Климентовской кормчей" списал рукопись "совѣ на спасение доуши" [Син. 132]. Тимофей пономарь написал книгу "въ спасение доуши и въсѣмъ хрѣстиганомъ послоушание". Одновременно он надеялся на то, что заказчикам книги "да подасть...господь царство свое и грѣхъ ихъ потрѣвити" [Хлуд. 187]. Иродин, списавший Евангелие апракос 1323 г., желает "животъ и спасение и отдаение грѣхомъ полоуцити" заказчику книги, игумену Мойсею [Хлуд. 29]. Скриптор Евангелия апракоса 1358 г. обращается к Богу с такими словами: "отпоусти...господи вольнага и невольнага прегрѣшенъга" [Син. 69]. Марко Вечеровиц заявляет, что он списал Параклитик 1369 г. "сеѣ на спасение, а свѣтѣмъ въ чѣсть" [Син. 837]. Фома, писец Пролога 1400-го года просит Бога подарить заказчикам книги: "животъ и здравье и отдаение грѣховъ въ снѣ вѣкѣ и въ воудоушини" [Син. 240]. Давид, который списал Стихирарь 1424 г., свои добрые пожелания для "строителей", заказчиков рукописи выражает в довольно сложной и витиеватой форме: "въздага имъ господи мѣздоу; да достойни воудоутъ вонти въ вѣ[ш]нини Ероусалимъ, а на страшномъ соудѣ царствине твоего оучини съ вѣсми свѣтѣмъ одесноую тебѣ стати и оуслѣшати милосердѣи твои гласъ" [Син. 839].

Анализ рассмотренных записей доказывает, насколько важным был труд средневекового скриптора. Деятельность писца, по нашим данным, могла быть источником доброго или зла и для самого себя, и для заказчика и для читателей.

4. Правила списывания рукописей

Труд средневекового писца был весьма ответственным и тяжким.

Сфера его деятельности, как любая сфера жизни средневекового человека, регулировалась соответствующими правилами, предписаниями, нарушение которых считалось грехом и влекло за собой применение определенных санкций. Студийский устав имел предписания к труду писцов, который был под контролем монастырской братии.

Писцы, как правило, старались придерживаться этих предписаний.

Труд писца начинался с заказа книги. Заказчик — по всей вероятности — только определял жанр церковной литературы /четвероевангелие, евангелие апракос, апостол, псалтырь/, списывание которого он заказывал у писца. Выбор же оригинала, с которого переписчик списывал текст, предоставлялся скриптору. Скриптор старался выбрать из библиотеки, если она имелась в его распоряжении, хороший, красиво списанный оригинал. Важным требованием к оригиналу было то, чтобы оригинал был исправленным, не содержал в себе ошибок. Исправленный оригинал в попятном для писца переводе мог служить протографом при списывании. Если писец списывал с неисправленного списка, ему приходилось указывать на это обстоятельство. Неисправленность оригинала была отмечена и писцом Пандектов Никона 1478 г. Писец подчеркивает, что копия, сделанная им полна ошибок, потому что она была списана с неисправленного списка: [книга] "грѣва и всѣакого недоучѣнїа полна, понежъ съ неисправлена списка списана" ³³.

Выбрав оригинал, писец должен был точно копировать текст. Насколько тщательно приходилось ему работать, показывают записи в рукописях, которые свидетельствуют о том, какими правилами руководствовался скриптор при списывании рукописи.

Инок Лука Смолянин, выполнивший копию Псалтыри 1395 г.

как бы дает советы тому, кто "вздохуетъ сию книгоу препи-
соувати". Довольно суровый совет писца сформулирован следую-
щим образом: "смаграти не приложити или отложити некое сло-
во или тѣиукоу единою или крѣоуны, иже соуть подѣ строками
въ рѣдадѣхъ" [Муз. 4040].

Как видно из слов Луки, от писца требовалась точная копия ори-
гинала: слово в слово. Не допускались пропуски и перестановка слова. Должны были сохраняться и титла и строчные зна-
ки. Однако Лука продолжает: "ни же пременити слогию некто-
роуго, или приложити оа обѣиунѣхъ ихъ первне привзи, или
пакѣ отложити".

Из этого текста видно, что скриптору строго запрещалось вводить в текст изменения. Он должен был даже соблю-
дать сохранность слогов. во время списывания он должен был
"съ великимъ вниманиемъ проунтати" текст оригинала

Почти такие же советы, т. е. правила списывания книг, повторяются и в Служебнике митрополита Киприяна, опытного переводчика и писца. Киприан обращает внимание писцов на необходимость точного соответствия копии оригиналу, почти дословно повторяя те слова, которые встречаются у Луки. Митрополит требует от писца пристального внимания к тексту, подчеркивая, что текст нужно списывать "с великимъ внима-
ниемъ проунтати, оунти сѣа или преписувати, ако не от не-
брежениа въ грѣхъ падете зане же еже от небрежениа възвастн
въ грѣхъ горши ест неже еже от невидѣниа възвастн
[Син. 601].

То обстоятельство, что советы по списыванию книг в двух разнородных текстах совпадают, объясняется тем, что эти "правила, предписания для писцов" представляли собой общие места. Они часто давались писцам. Эти инструкции были из-
вестны каждому писцу.

Писцы соблюдали предъявляемые им инструкции. Списывая текст, они исправляли замеченные ими ошибки. Так в Триодипостной XII в. неизвестный скриптор два раза отмечает, что он ошибся при переписке триоди. Особенно показательна вто-

рая приписка писца на л. 26: "дсе втора песнь завзито написати въ семъ кан[онѣ] и а поставлено по стихерахъ послѣди" [Син. 319]. Писец два раза допустил одну и ту же ошибку, забыв списать целую песнь.

Филин, скриптор Ирмологии 1344 г. в одной из своих приписок отметил, что он ошибся, молится Бога за помощь: "О господи помози, посмѣште /sic/, дремота неприменнага и въ семъ рядѣ помешахъ съа" [Син. 932]. Неисправленная ошибка воспринималась как грех писца, за который он должен был просить читателя простить его; Так поступил Фома, списавший Галицкое евангелие 1237 г.: "оже воудоу не исправилъ въ коемъ мѣстѣ исправна" [Син. 68].

Во время списывания писцы, сознавая свою слабость, невнимательность в молитвах обращались к Богу или Святым за помощью. В приписке Филицы Ирмологии 1344 г. читаем следующую краткую молитву на л. 28: "о господина Козма и Дамьяна и архангелъ господень Вревенлъ поспѣшите грѣшномуу филиноу писцю" [Син. 932]. Подобным же образом обращается с молитвой к Козме, патрону своему, и Дамьяну писец Пролога 1313 г. Козма Поповиц: "о свѣтатъ възмездника Козма и Дамьяне поспѣшита възго къ коную" [Син. 239]. Интересной является приписка неизвестного скриптора в Чудовской рукописи № 11: "господи помози рабоу своемуу ганову наоучити съа писати роука въі емоу крѣпка, оно бо емоу свѣтло оумъ въі емѣ отроуенъ".

5. Ошибки писцов и причины ошибок

Писцы в своих записях перечисляют пропущенные ими ошибки криво написахъ [Син. 1203], криво написахъ, не исправилъ [Хлуд. 187], изпроувилъ [Син. 740], воудеть погрѣтено или криво написано [Син. 15], воудоу помгалъ [Син. 932], воудемъ гроуво написали, перестоупиле [Син. 67], не исправилъ, въ коемъ мѣстѣ исправна [Син. 68], где воудоу описалъ съа [Син. 837], где воудеть перестоуплено, или описано, где описалъ

ста [Син. 333], воцаоу помешалъ или престоупилъ [Син. 240], воцаоу описалъ ста, не дописалъ, престоупилъ [Син. 401], где помталъ ста, описалъ ста [Син. 839], где описалъ [Син. 872]. Писец - пономарь Тимофей, с самокритикой относясь к своей работе, пишет следующее: "криво написалъ, не исправилъ" [Хлуд. 187].

Эти цитаты показывают, что писцы, стараясь списывать текст точно, невольно допускали ошибки, которые они хорошо осознавали. Они могли неправильно списывать текст, пропускать или прибавлять нечто к списанному тексту. Все это считалось виной переписчика, которую он должен был исправить. Обязанностью писцов являлось исправление текста. Однако писец, очень часто, не замечая ошибки, не исправлял текст. Этим объясняется оборот в записках: "не исправилъ". За пропущенные ошибки, писцы подвергались — по Уставу — разного рода наказаниям. Однако за исправленность или неисправленность списанного текста нес ответственность и читатель рукописи. Исправлять ошибки было долгом и читателя, поэтому писцы часто обращаются к своим читателям с тем, чтобы они исправляли обнаруженные ими ошибки и недостатки рукописи. "Ленивый и неродивый" Иоанн черноризец просит своих читателей исправить списанный им текст: "исправивша пойте а мене грѣшнаго Иоанна не клените" [Син. 333]. "Многогрешный, грубый" писец Фома обращается к своим читателям: "исправляюще утете, благословите мѧ грѣшнаго, а не клените" [Син. 240]. Гаврило поп, писец Трефолая псковского 1445 г. тоже повторяет эту просьбу: "пайте исправивага, а не мене слова хоула не не молв[ит]е" [Син. 872]. Из этих слов писцов становится ясным и то, что читатели очень часто "критиковали" писцов, квалифицируя работу скрипторов. Критика читателей выражалась в том, что они упрекали скрипторов. Однако смиренный писец просит читателей не ругать его за ошибки копии. Поп Гаврило добавляет к своей просьбе исправлять его ошибки следующий оборот: "твоимъ благослов-

ленинъмъ и исправленнѣмъ мое писанне исполнитъ сѣ" [Син. 872]. Его обращение показывает, что по правилам коллективной ответственности только исправлением ошибок писцов завершился их труд. Для средневекового грамотного человека списывание книг повлекло за собой коллективную ответственность. По всей вероятности читатели часто оставляли текст неисправленным, поэтому дьяк Козьма подчеркивает, что замеченная, но не исправленная читателем ошибка писца становится уже грехом читателя рукописи: "а не исправите то въз на свою доушоу" [Син. 172].

Об условиях работы писцов говорится в тех записях, где писцы указывают на свою работу, отмечают причины, которые вызвали ошибки писцов. В описании трудностей и причин ошибок скрипторы очень многословны. Писцы подробно описывают те условия, в которых они работали, указывая и на то, какими факторами были вызваны пропущенные ими ошибки. Поп Поликарп, писец Евангелия-апракоса 1307 г., отмечает, что он списал рукопись "оу тоуѣ или пѣуали или въз вѣсѣѣ с дроугомъ" [Син. 740]. Писец Максим, выделяя источники ошибок, пишет "криво написано или съ дроугомъ вѣсѣдоуѣ въз малоумни своемъ" [Син. 15]. Козьма Попович признается, что он, списывая рукопись "помгалъ сѣ въз своен гроузости и праньствѣ" [Син. 239]. Писец Ирмологии ошибся при переписке рукописи: "въ младоумни своемъ" [Син. 932]. Писцы Евангелия апракоса 1355 сделали ошибки "въ глаголанни с² дроугомъ или въз дреманни" [Син. 67]. В некоторых случаях средство письма не было удобным для работы: "лихов перо невольно нмъ писати" — замечает один из писцов того же евангелия [Син. 67].

Микула ерей писец Службника 1380 г. списывал рукопись "съ дроугомъ глагола или въз помзислѣ" [Воскр. 7]. Чернец Иоанн, который сознательно называет себя писателем книги, сообщает, что он "описалъ сѣ младзімъ своимъ оумомъ, по неразоумно мотемоу". Этим он дает знать читателям, что он не целиком и не всегда понимал текст списанного им Устава

Студийского [Син. 333].

Фома, официальный писец, списавший Пролог 1400 г., грешил при списывании "во своемъ нарѣзѣнии [sic] или съ дроуѣмъ глагола" [Син. 270]. Неизвестный скриптор заявляет в Евангелии апракосе конца XIV в., что он списал рукопись "съ дроуѣмъ говорѣа или въ помѣселѣхъ лоукавыхъ" [Увров. 267]. Оифим просит читателя не ругать его "ради тѣлѣности" или за "погрѣшениѣ" [Син. 275].

Писец Данило, списавший Пролог 1425 г., признаваясь в своих слабостях, замечает, что "описалъ сѧ въ своемъ гроуѣности или съ дроуѣмъ веседоуѣа или по пирѣ" [Син. 839].

Как показывают наши примеры, списывание книг часто совершалось далеко не в идеальных условиях. Объективные и субъективные причины часто мешали писцам и служили источником ошибок скрипторов.

Списывание книг проходило, по всей вероятности, не в специальных скрипториях, а в "келии", где писцу могли мешать посетители. В редких случаях работу писца могли задерживать совершенно мирские, светские факторы: пиры и пьянство, как об этом с покаянием сообщают скрипторы. Иногда физическое состояние писца затрудняло списывание книги, как об этом свидетельствует приписка Козьмы Поповича в Прологе 1313 г.: "оу, оу голова мѧ болить не могуѣ псати, а оуже ношь лѧзми спати" [Син. 239].

6. Радость писцов

При списывании книг писцы испытывали не только чрезмерные трудности, ведь переписка рукописей требовала от писцов больших усилий и самоотверженного труда.

Не было чуждо древнерусским писцам и чувство радости, радости от завершения трудоемкой работы. Это чувство находит свое отражение в записях писцов. Свою радость скриптор обычно сравнивает с радостью купца или моряка, успешно,

справившихся с трудностями своей профессии.

Выражение радости писца отражается записью Добрилова евангелия 1164 г. Добрило, писец Евангелия 1164 г., кончая свою работу, выражает радость такими словами: "Икоже радуеться женихъ о невѣстѣ. Тако радѣеться писецъ вида по слѣдънии листъ"³⁴.

Аналогично свою радость по поводу окончания списывания книг и другие писцы выражали. Эти приписки, записи могут быть короткими, но нередко среди них и более распространенные сравнения.

Фома, скриптор, списавший Пролог 1400 г., в конце своей записи киноварью написал следующую фразу: "А волозъ, вратъе, обрадоухъ сѣа вельми конуавъ книгъ сѣа до свѣта дни".

То, что писец последнюю фразу своей записи сделал киноварью, доказывает, что он придавал особое значение выражению радости, которую он испытывал завершив списывание рукописи.

Черноризец Иоанн, "писатель книги" свою радость выражает следующим сравнением: "радоуетъ сѣа коупецъ въ свои домъ пришедъ, а корабль въ тихо пристанище пришедъ, тако отрешитъ сѣа волъ от гарма, такъ писатель книги конуавъ [Син. 333].

Подобное выражение радости по завершении труда писца встречается и в среднеболгарских рукописях. В среднеболгарской минее, списанной Добрианом есть приписка, в которой труд писца сравнивается с радостью странника "Икоже странникъ радѣеть сѣа оубство. И ѿже в мори кльнѣми шѣрѣсти прѣстанѣще воури. тако и пишшии радѣеть сѣа видѣти конецъ книзъ"³⁵.

Иногда скриптор выражая свою радость по завершении труда, создает своеобразное сочинение, которое выделяется своим гимническим тоном, представляя собой оригинальное произведение писца, в котором воплощаются и его писательский дар и способности.

Своим художественным качеством выделяется запись "грубого" дьяка Андрея, списавшего Устав церковный 1438 г. в Твери. Эта запись представляет собой "художественный акт" Андрея, для которого характерны лирический подход, сочетающийся с тонким наблюдением красоты весенней природы. Когда писец кончил переписку книги, уже наступила весна. Месяц май украсился красивыми цветами. Любуясь красотой майской весны, скриптор проводит параллель между весенней природой и плодом своего тяжелого труда: "Тогда [21-ого мая] неплодны мои роуцѣ плоды показаш[а], веснѣ оубо настоуащени идеже цвѣти отъ дрѣвесъ просцвѣтоша и гавѣ же отъ земли възврашаема възина, тогда и съемое съма по повѣлѣнню божию и новокоренити сѣа по тихости. Мору же и небеси гаснѣшимъ възвати же отъ зимнаго поовлауеннѣа и мѣсѣа прѣменишимъ сѣа, церкви же Успѣннѣа... цвѣты прѣмелеть благознаменитѣа, книгоу типикъ" [Син. 331].

Сложное сравнение, выражающее весеннюю красоту, служит для передачи радости церкви Успения Богородицы. Она испытывает эту радость, как весной радуются цветам растения, когда получает устав, который будет упражнением этой церкви.

Судя по этой записи, писец Андрей был человеком, любящим природу и способным увидеть красоту весны. Одновременно он был несомненно хорошо образованным древнерусским книжником. Мы не знаем, какое литературное произведение служило для Андрея образцом при составлении этой записи.

7. Продуктивность труда писца

В записях писцов часто отмечается день начала и день завершения списывания книг. Эти сведения дают возможность определить продуктивность труда писцов.

В своей записи писец Андрей сообщает дату начала и завершения списывания: "троудолговнѣ възпрѣхъ тетрадь мѣсѣа декемврига въ 20... съвершихъ же о Христѣ 40.

тетрадеи месяца мана въ 21 день".

Рукопись, списанная Андреем, состоит из 278-и пергаменных листов, написанных полууставом. Учитывая объем рукописи, можно определить продуктивность труда древнерусского книжника. По истечении 152 дней Андрей списал 278 листов. На этом основании можно предположить, что Андрей ежедневно списывал около 1,8, т. е. наполных два листа. Приблизительно такой же результат можно получить проанализировав другие рукописи.

Писец Апостола 1220 г. списал с августа до октября 241 лист. Таким образом за день ему удавалось списать 3,9 листа.

Иродион, писец Евангелия апракоса 1323 года, списал 219 листов за 304 дня, т. е. за день он успевал списать около 0,7 листа.

Куземка, дяк, писец Апостола 1389 /1406/ г., списал 120 листов за 137 дней. Его продуктивность равна 0,8 листа в день.

Приблизительно такой же темп можно наблюдать и у других писцов.

Отклонение от этой нормы представляет собой знаменитое Галицкое евангелие 1144 г., списанное за 50 дней. Рукопись состоит из 260 листов. За день писец успевал списать по 5,2 листа³⁶.

Однако, рассматривая продуктивность труда писца, следует исходить из того, что в праздничные дни писцы не работали. Если писцы были духовными лицами или монахами, то они вряд ли целыми днями занимались списыванием книг. По всей вероятности и только небольшую часть своего времени они посвящали переписке рукописей.

Конечно были возможности ускорять темп работы: скрипторы могли привлечь и других писцов, распределяя между ними работу. Усилием двух писцов, Леонида и Григоря, было списано по повелению новгородского архиепископа Моисея Евангелие-апракос 1355 г. Есть основание предполагать, что

для выполнения "спешного труда", списывания рукописей монахи в монастырях освобождались от выполнения своих монашеских обязанностей. Этим обстоятельством объясняется сравнительно быстрый темп завершения переписки Галицкого евангелия 1144 г.

8. Книжность древнерусского книгописца

Выше мы видели, что средневековой скриптор был не только писцом, который тщательно списывал рукописи. Его функции были более широкими и многообразными. Роль средневекового скриптора не была пассивной. Он относился активно к списываемому тексту. Списывая текст, он одновременно снова создает его³⁷. На этом основании не является абсурдным предположить, что работа писца представляет собой креативный акт. Креативность скриптора прежде всего проявляется в списывании рукописи, в том, как он обращается с текстом: вносит ли изменения в текст, пропускает ли элементы протографа, или наоборот, дополняет текст своими словами, исправляет ли ошибки. Однако креативность писца проявляется и в его записи. Запись писца является зеркалом его образованности, грамотности и сознательности.

Тот факт, что писец в своей записи называет себя, свидетельствует о том, что он считает свой труд очень важным, даже более важным, чем труд самого автора, чье произведение он списывает³⁸. Хорошо подготовленный, книжный писец в своей записи может проявить свои творческие способности. Несомненно, за образцами для записи писца служили записи в рукописях других писцов. Однако конкретное оформление записи скриптора зависело от грамотности и книжности отдельного конкретного писца.

Грамотный, образованный книжный писец обычно выражает в записи свою образованность. Образованного, книжного писца не удовлетворяют традиционные возможности простой записи. Он старается дать больше. Благодаря креативности пис-

ца его запись превращается то в исторический рассказ, то в философское размышление и пр.

Книжность и образованность отдельных писцов отражены и в рассмотренных нами записях писцов.

Писец Псалтыри 1296 г., Захария, который сознательно называет себя писцом, рассказывая о себе сообщает, что "имѣна издѣтъска шкѣтуана, много написавъ, Богословіа стѣи книгъ. оуже при старости емоу възвѣщѣ списа на волоцѣ боудан глѣво шпрако^с... і снго псалтырѣю написавъ" [Син. 235].

Захария был не только сознательным, грамотным книжным человеком, но несомненно владел и писательскими способностями, как об этом свидетельствует его сочинение о пользе псалтыри. Захария в своей записи как бы создал Слово о пользе псалтыри. Он обращает внимание своего читателя на то, что Псалтырь и книги пророков вдохновлены Святым Духом и созданы для человека. По его словам, "молитва во и псалтырѣа вышши естъ всѣхъ добръзнь и пища оумоу естъ тако же хлѣбъ тѣлоу" [Син. 235]. Он обращает внимание своего читателя на важность молитвы: "должни во есми за сѧ и за весь родъ крестьянскыи молитвы сѧ псалтырѣю възносити рекоше. пощади господи, пощади господи люди своѧ, не дажь достоинна своего въ поношение овладати иноплѣменьникомъ".

Молитвословие Захарии свидетельствует о том, что он был человеком, проявлявший живой интерес к судьбе людей своей эпохи, к проблемам эпохи Запись Захарии выдает симпатичного, образованного древнерусского писца-профессионала конца XIII в.

Другим представителем талантливых писцов был дьяк Андрей, списавший Устав церковный 1438 г. в Твери. В своей записи он описывает красоту весенней природы. Его запись тоже представляет собой литературное оформление мыслей писца [Син. 331].

Иногда писец, прибегая к литературной форме, описывает события, свидетелем которых он был.

Неизвестный писец Пандект Никона Черногорца 1296 г. не называет себя. Однако, не смотря на свою скромность, он вы-

ражает сочувствие современникам, списывая голод и голодание в Суздальской земле. Он ясно видит, что причиной голода была зависть среди людей: "сзнедадоху друугъ друуга завистью" [Син. 836].

"Последний в иноцех" Андрей, писец Триоди цветной 1403 в своей записи оценивает благотворное воздействие митрополита Киприана на русскую церковь: "его же влагословленнемъ земля русская мръ глоувонзи приемлетъ, церкви же воина православна одежею сзвѣше истиннаго одеаса и исправленнемъ книжнзи [мъ] и оученнем его светлѣть съ пауче солнечныхъ зарей" [Усп. 7].

В Стихираре 1424 г., списанном рукою Давида, дьяка, скриптор в поэтических словах выражает свое желание, чтобы заказчики книги "да достонни воудоуть доити въ вѣ^шни в роусалинъ" [Син. 897]. Он выражает надежду на то, что строители книги на страшном суде будут стоять о десную Бога. Краткое молитвословие Давида было оставлено на основе библейских мотивов.

Эти записи хорошо показывают, насколько некоторые писцы были начитаны в церковно-богослужебной литературе. Однако среди записей встречается и такая, которая свидетельствует о начитанности писца в светской художественной литературе.

В Апостол-апракосе 1307 г., списанном Диомидом имеется запись писца, в которой Диомид описывает определенные небесные явления. К своей записи он добавляет сообщение о том, что в том же году был бой князей Михаила и Юрья за новгородское княжение. Выражая свое недовольство усобицей князей, Диомид применяет перефраз из "Слова о полку Игореве". Однако скриптор переделал текст "Слова", пропустив языческие элементы древнерусской поэмы. По поводу междуусобицы он пишет: "при сихъ князехъ сѣгашетса и росташе оусобицами! гынаше жизнь наши въ князѣхъ, которъ и вѣци скоротилася улькомъ" [Син. 722]. Диомид, перефразируя "Слово о полку Игореве" несомненно дал знать читателям, что он осведомлен

и в светской литературе и даже умеет цитировать из нее в случае надобности. Одновременно на своем примере он доказал, как относилось духовенство к произведениям языческой литературы. Запись Диомида одновременно свидетельствует и о том, что "на окраинном Пскове" элементы светской поэзии могли проникать и в письменность.³⁹

В литературе, посвященной критике текста, неоднократно высказывалось мнение о том, что средневековые писцы были недостаточно грамотными, необразованными людьми, в руках которых списываемые ими тексты только пострадали. Записи писцов не подтверждают такую оценку скрипторов. Картина грамотности, образованности средневековых писцов была более сложной, чем она кажется на первый взгляд.

Среди средневековых скрипторов были, как показывают наши примеры, и хорошо образованные, начитанные писцы, которые имели определенные писательские таланты.

9. Принадлежность писцов к духовному чину

В конце нашего сообщения о древнерусском писце следует поднять вопрос о церковной принадлежности. Общеизвестно, что в средние века монополия знания была в руках церкви. Мировоззрение людей тоже определялось церковью⁴⁰. Согласно этому светского человека и человека духовного звания объединяет церковное, религиозное мировоззрение, мироощущение. Светские и духовные люди различались не своим мировоззрением, а той функцией, которую духовные люди выполняли в общественной жизни. Представители духовенства в начале средневековья выполняли интеллектуальные функции. Миряне лишь позднее стали способны брать на себя интеллектуальные функции духовенства. Однако главной тенденцией средневековой образованности была постепенная лаицизация грамотности и писца.

Несомненно, что древнейшие рукописи, возникшие в Киевской Руси, вышли из рук церковных служителей, из рук духовенства. Однако очень рано появились и такие писцы, которые,

усвоив грамотность от духовенства, не стали духовными лицами, и зарабатывали себе свой хлеб списыванием книг. С этой точки зрения важно высказанное А. И. Соболевским предположение о том, что писцы XI века Путята или скриптор Юрьевского евангелия Оугринец, "назвавшие себя лишь по именам, без всяких титулов, были писцами ремесленниками, мирянами"⁴¹. Число мирских писцов постепенно, но постоянно росло. Эта гипотеза была принята выдающимся русским палеографом Е. Ф. Карским⁴². Она получила свое практическое подтверждение в трудах специалистов по истории древнерусского книжного дела. Так известный советский кодиколог Н. Н. Розов по этому поводу пишет: "Преобладание среди мастеров книги людей мирских отмечается в первые три столетия русской книги"⁴³. Он же отмечает, что переход книгописания из рук духовенства в руки мирян-ремесленников представляет собой своеобразный "процесс демократизации и профессионализации книгописного ремесла, который начался на грани XI — XII вв."⁴⁴ Границу превращения книгопроизводства в светскую профессию Б. В. Сопунов также относит к рубежу XI — XII вв.⁴⁵ Однако развитие книгопроизводства не шло прямолинейным путем. Согласно данным исследования Н. Н. Розова в XIV в. число мирских книгописцов несколько уменьшилось⁴⁶. Одновременно процент монашествующих в XIV в. по сравнению с XI — XII вв. увеличился почти в десять раз. В этих же монашествующих писцах следует видеть книгописцов-профессионалов, которые списывали книги не по заказу, а "в исполнение послушания", обычно по "благословлению" и выбору настоятеля монастыря⁴⁷.

Ранним представителем этих монашествующих писцов, ставших позднее книгописцами-профессионалами был писец Захария, сознательно называвший себя писцом, который "из дѣтства... много написавъ" в старости списал две рукописи: евангелие-апракос и псалтырь. Однако есть основание думать, что он был и скриптором Псалтыри Симоновской XIII в.⁴⁸

Переписчик Минеи Служебной 1365 г., Филица называет себя владычным писцом. Он работал для новгородского архиепископа Алексея в первой половине XIV в.

Скриптор Пролога 1400 г. Фома также сознательно называет себя писцом.

Эти записи писцов свидетельствуют о том, что на Руси постепенно складывался особый слой общества, который областью своей деятельности считал списывание книг.

Наши источники показывают также развитие книгописного дела в XII — XV вв.

Мы проанализировали рукописи Синодального собрания ГИМ. Рукописи, списанные по XV в. составляют 263 единицы хранения. Из этих рукописей выделяются те кодексы, в которых имеются записи, так как не каждый переписчик оставлял свою запись в списываемой им рукописи. Из 263 рукописей мы отметили записи только в 63 кодексах. Однако писцы в своих записях часто не называют себя, не дают информации о себе в 46 случаях. Имеются рукописи, в которых писец, называя свое имя, не сообщает о себе никаких подробностей и умалчивает о своей принадлежности к духовенству. В таких случаях отсутствие более точных, вслед за А. И. Соболевским, мы можем квалифицировать как свидетельство того, что писец не принадлежал к духовенству. Наши данные распределяются следующим образом:

"мирские писцы"	19
духовенство	
черное	5
белое	15
"сын попа"	3 ⁺

Из писцов следует выделить Пономаря Тимофея. Его имя

⁺ Тимофей в записях встречается 2 раза, так как он списал две книги. Подобным образом две рукописи были списаны и Козьмой Поповичем.

находится на двух рукописях. Тимофеем пономарем называет себя скриптор Новгородской летописи 1229 г. [Син. 786]. Тимофей "пономарь Святого Якова" списал Пролог 1282 г. [Хлуд. 187]. Встает, однако, вопрос, возможно ли отождествление этих двух "пономарей", занимавшихся книгопроизводством. Нам кажется вероятным, что речь идет в данном случае о двух писцах-пономарях, жизнь которых разделяется небольшим промежутком времени.

Однако заслуживает внимание тот факт, что Н. Н. Розов в "Хронологическом списке русских книгописцов XI — XIV вв." ⁴⁹ обоих скрипторов-пономарей причисляет к белому духовенству.

Наши данные, почерпнутые из записей кодексов, показывают, что кроме 19 лиц, не назвавших свою принадлежность к духовенству, из рядов белого и черного духовенства 22 человека занималось списыванием рукописей, т. е. книгописцев из духовного сословия немного превышает количество светских, "мирских" скрипторов. Конечно среди писцов, выходцев из духовенства, могли быть такие же писцы-профессионалы, как и среди мирян. Особо следует выделить 3 лица, которые вышли из духовенства ["поповичи"], однако на их принадлежность к духовенству не указывается, хотя это не исключено, если иметь в виду, что потомки священников как правило, по наследству также становились священниками или монашествующими. "Поповичи" по всей вероятности учились грамоте у своих отцов и потом по их примеру занимались книгописанием. Учитывая это, можно согласиться с Н. Н. Розовым в том, что профессия книгописца в духовном сословии иногда была наследственной ⁵⁰. В этом отношении интересна судьба Козьмы Поповича. В записи Пролога 1313 г. Козьма, называя себя, не сообщает о себе больше никаких данных. Однако в записи, сделанной в Параклитике псковском, он же называет себе дьяком. Однако возможно, что в данном случае термином "дьякон" обозначается должностное лицо, а не принадлежность к духовенству. В исторических документах слово дьяк встречается с определением

того, чьим дьяком является данный писец. Иногда, правда, редко определение может отсутствовать, как в случае дьяка Нестера⁵¹. Все это дает основание видеть в Козьме Поповиче — в противоположность Н. Н. Розову⁵² — мирянина из духовного сословия.

Мы рассмотрели вопрос социальной принадлежности древнерусских писцов. Но не смотря на их принадлежность или непринадлежность к духовенству, древнерусские книгописцы представляют собой древнерусскую интеллигенцию. Особенно важное место занимают среди древнерусских скрипторов те, которые сознательно называют себя писцами. Для этих писцов-профессионалов грамотность представляла собой то средство, при помощи которого они зарабатывали себе хлеб насущный. Они составляли ядро зарастающего древнерусского интеллектуального сословия.

Литература

- 1 Списание книг в древние времена России. Православный Собеседник. 1862, 1, 132.
- 2 Б. В. Сапунов, Книга в России в XI-XIII вв. Ленинград, 1978, 70, 71, 79.
- 3 Б. В. Сапунов. Ук. соч., 82.
- 4 Б. В. Сапунов. "Информационный взрыв" на Руси в XI веке. Русская Речь. 1977, №2, 123.
- 5 Н. В. Волков. Действительно ли безыменна была большая часть трудов древнерусских переписчиков. Журнал Министерства народного просвещения. 1897, 71. /ноябрь/
- 6 Списание книг в древние времена России. 140.
- 7 Thievenmann Tivadar. Irodalomtörténeti alapfogalmak. Pécs, 1931, 100.
- 8 Thievenmann Tivadar. Ук. соч., 99.
- 9 Thievenmann Tivadar. Ук. соч., 101.
- 10 Thievenmann Tivadar. Ук. соч., 100.
- 11 М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. г. 1-ая. Русские рукописи. Археографический Ежегодник до 1964 г., Москва, 1965, 135-250.

- 12 А. Н. Соболевский. Славяно-русская палеография². СПб., 1908, 32.
- 13 А. Н. Соболевский. Ук. соч., 5.
- 14 Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография². М., 1979, 259-260.
- 15 Цитирует А. Седельников. Литературно-фольклорные этюды. Slavica. VI., 1927, Praha, 69.
- 16 И. К. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. т. 1., ч. 1., М., 1989, 668.
- 17 И. К. Срезневский. Древние памятники русского языка и письма X-XIV веков². СПб., 1882, 138.
- 18 М. В. Кукушкина. Монастырские библиотеки Русского Севера. М., 1977, 11.
- 19 Б. В. Сапунов. Книга в России в XI-XIII вв., 76-77.
- 20 Е. Голубинский. История русской церкви. 1., Первая половина тома, М., 1901, 721.
- 21 "Устав Студийский" по списку XII в. - Фрагменты. Подготовил к печати Д. С. Ищенко. Источники по истории русского языка. М., 1976, 130.
- 22 Н. Мендельсон. Монастырь. Книга для чтения по русской истории. Под редакцией М. В. Довнар - Запольского. 1., М., 1904, 522.
- 24 Н. Н. Розов. Книга древней Руси. М., 1977, 46.
- 25 Е. Голубинский. Ук. соч., 188, 193.
- 26 Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, 407.
- 27 Н. Н. Розов. Ук. соч., 20.
- 28 В. Перетц. Образованность. Книга для чтения... 541.
- 29 Н. Некрасов. Древнерусский литератор. Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1867, 44.
- 30 Voguay Tamás. Művész a középkorban. Budapest, 1932, 27.
- 31 Voguay Tamás. Ук. соч., 14-15.
- 32 И. Иванов. Български старини из Македония². София, 1970, 234.
- 33 Е. Ф. Карский. Ук. соч., 267.
- 34 Е. Ф. Карский. Ук. соч., 413.
- 35 И. Иванов. Ук. соч., 234.
- 36 И. К. Срезневский. Древние памятники...², 58.
- 37 Thievenmann Tivadar. Ук. соч., 88.
- 38 Thievenmann Tivadar. Ук. соч., 100.
- 39 А. Седельников. Ук. соч., 65.
- 40 Voguay Tamás. Ук. соч., 8.

- 41 А. И. Соболевский. Ук. соч., 28.
- 42 Е. Ф. Карский. Ук. соч., 262.
- 43 Н. Н. Розов. Ук. соч., 99.
- 44 Н. Н. Розов. Ук. соч., 101.
- 45 Б. В. Сапунов. Книга в России в XI-XIII вв., 116.
- 46 Н. Н. Розов. Ук. соч., 101.
- 47 Н. Н. Розов. Ук. соч., 101.
- 48 М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Ук. соч., 164.
- 49 Н. Н. Розов. Ук. соч., 155.
- 50 Н. Н. Розов. Ук. соч., 99.
- 51 И. К. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание 1., ч. 1-ая, М., 1989, 669.
- 52 Н. Н. Розов. Ук. соч., 143.